Глава 118. После шторма

Лоусон приказал Лукрецию отдыхать целый месяц. Это была не рекомендация, а приказ. Лоусон приказывал ему, как авторитетный врач.

Лукреций, конечно, пытался спорить, но все вокруг него настаивали на отдыхе. У него не было выбора.

Если бы он продолжил сопротивляться, я бы пригрозила ему веревками, которым бы привязывала его к кровати. На моей стороне был Лоусон, поэтому Лукреций вяло согласился с нами.

Лукреций, лежа на кровати в бинтах, сказал: «Со мной все будет в порядке через неделю или две.»

Тем не менее, это было бесполезно.

Лоусон раздраженно покачал головой. «Даже когда я впервые обработал раны вчера, ваши травмы не были готовы к быстрому выздоровлению ... Теперь они вновь открылись и ухудшились. Прошёл всего один день после перевязки, поэтому я не уверен, что вы делали прошлой ночью ...»

Лукреций усмехнулся, и я молчала.

«…»

«…»

К счастью, Лукреций ничего не сказал. Я не был уверена, знал ли Лоусон о нас, когда продолжил.

«Я снова обработал рану, поэтому, пока она не заживет, вам нужно отдыхать. Следует избегать любых напряженных действий.»

«…»

Когда Лукреций отвернулся, Лоусон повернулся ко мне.

«Ваше высочество.»

«Да, да?»

«Пожалуйста, убедитесь, что его высочество не будет активно двигаться. Вы должны наблюдать за ним и останавливать, если он попытается встать.»

«… Конечно.»

Он заставил меня дать обещание.

«Никаких напряженных действий! Пожалуйста, запомните!»

«…»

Он все знал?

У меня не хватило смелости спросить его, поэтому я молча согласилась.

**

Все, включая канцлера, согласились, что императору нужно отдохнуть и прийти в себя, прежде чем вернуться на работу. Единственная проблема заключалась в том, что если Лукрецию нужен был перерыв, на его пост нужно было найти замену.

Это было решающее время для империи. Крупное восстание только что закончилось, и нужно было проделать невероятную работу. Канцлер был незаменим в своей отдаче, но он не мог взять на себя все обязанности. Были также нерешенные вопросы, связанные с судьбой дворянских титулов и имущества, и, следовательно, требовалась королевская печать.

Поэтому я вызвалась добровольно.

Лукреций знал, что я взяла золотую печать, когда он спал, и пошла представлять его интересы. Он знал, что я обсуждала национальные вопросы с канцлером у него за спиной. Однако, несмотря на все это, он ничего не имел против.

Я была благодарна, потому что я не хотела обсуждать это с ним. Любые положительные или отрицательные комментарии, я думала, заставят чувствовать унылость.

Тот факт, что я взяла на себя эту ответственность, означал, что я приняла положение императрицы. Лукреций снова ничего об этом не упомянул, что, по-моему, было очень благородным жестом.

Пост императрицы означал, что я решила остаться в этом мире.

Я никогда не вернусь домой.

От жрицы не было новостей, поэтому я не знала наверняка, возможно ли это вообще.

Однако даже тогда я чувствовала, что покинула свой дом и свою семью.

Я часто чувствовала себя печально. К счастью, у меня было много работы, которая занимала мой разум. Многие были вовлечены в восстание, и мне нужно было решить их судьбу. Я также должна была выбрать соответствующие награды для тех, кто помогал Лукрецию.

Пока я копалась в бумагах, Лукреций наслаждался своим отпуском. По его словам, у него никогда не было столько свободного времени. Он скулил, как одиноко ему было в комнате, поэтому я отнесла все документы в спальню, чтобы работать рядом с ним.

Большая часть работы заключалась в ознакомлении и расстановки королевской печати. Польза от его присутствия все-таки была, я могла задавать ему вопросы и получать советы о том, какие действия необходимо предпринять по отношению к определенным людям.

После нескольких предложений он ухмыльнулся. «Похоже, тебе вообще не нужна моя помощь.»

«В самом деле?»

«Да, у тебя удивительный талант.»

«Тогда я буду делать все, что захочу с этого момента.»

Я не знала точно когда, но я начала неформально разговаривать с ним, когда мы оставались одни. Лукреций ничего не сказал, что было очень умно с его стороны.

Я была рада, что он знал, когда нужно промолчать, чтобы его жена была счастлива.

Я почувствовала облегчение от того, что хорошо справляюсь со своей работой. Вскоре я стала заниматься всем самостоятельно.

Я быстро прочитала все документы и записала все сомнительные моменты, чтобы обсудить с канцлером на следующий день. Если я была довольна отчетами, я отмечала их королевской печатью, которые позже вручила писарю.

Из-за недавнего восстания мне пришлось принять много решений о наказаниях для предателей. Чаще всего мне приходилось выбирать смертную казнь.

Сначала мне было неловко по этому поводу, но через время я привыкла к этой мысли, и свободно ставила королевскую печать. Возможно, это было из-за веяний сюрреализма, когда лист бумаги решал судьбу человека.

Я закончила с тридцатым документом, когда заметила его неумелое движение в мою сторону.

Лукреций делал вид, что спит, но его непослушные пальцы медленно скользнули по одеялу и начали гладить мое бедро. Его намерения были слишком очевидны.

Я продолжила читать свой документ и шлепнула его по руке.

«Ай!»

Лукреций пронзительно вскрикнул. С тех пор как он получил травму, он вел себя как ребенок рядом со мной.

«Почему ты так жестока с пациентом?»

Я знала, что ему было не больно, поэтому просто посмеялась над его реакцией. «Разве ты не помнишь, что сказал Лоусон?»

«А он что-то сказал?»

Я повернулась к нему. Я протянула руку, чтобы коснуться его голой шеи тыльной стороной ладони. Казалось, он напрягся. Я чувствовала, как мурашки побежали по коже.

«Так и подумала. У тебя жар.»

Лукреций взял меня за запястье. «Если ты здесь со мной, то должна проводить время со мной, а не работать. Я пациент, поэтому ты должна быть добрее ко мне.»

Я широко улыбнулась. Этот человек, вероятно, очень хорошо знал, что когда я так улыбаюсь, это значит, что я злюсь.

«И чья это вина, что у меня так много работы?»

«…»

Он притворился грустным, медленно придвигаясь и обнимая меня за талию. Он положил

подбородок мне на плечо, и я почувствовала его дыхание на своей коже. Это напомнило мне о чем-то далеком.

В Корее есть старая поговорка.

«Если у человека достаточно сил, чтобы держать ложку, он обязательно попытается…»

Наши предки были очень мудрыми.

Ситуация становилась слишком опасной.

Он был ранен, и мне нужно перестать думать о ...

Охх, слишком опасно.

«Успокойся, Бина. Дыши глубоко.»

Если бы я сдалась, я могла бы причинить ему боль еще больше.

Мне наконец удалось взять себя в руки, но у Лукреция явно были другие планы.

Теперь он открыто поглаживал меня, отвлекая от дел.

Теперь, когда я думаю об этом ...

Нет.

Это было не то место и не то время.

Я ущипнула его за руку и объявила: «Месяц воздержания!»

Лукреций выглядел искренне ошеломленным. «Нуу, почему?!»

«Я не хочу нести ответственность за повторное открытие раны. Ты знаешь, как я была смущена, когда Лоусон говорил мне такие вещи?»

«Ммы ббудем осторожны ...»

Я должна сохранять твердость характера. «Отказываюсь!»

Лукреций глубоко вздохнул.

Он продолжал отчаянно просить, но я игнорировала его. Я не хотела снова выслушивать такую неловкую лекцию от Лоусона!

Я решила, что, возможно, смогу отвлечь его другим важным делом.

«Кстати ... Как мы будем решать ситуацию с Генуей?»

Мой план сработал отлично.

Его озорная улыбка исчезла, и он серьезно ответил: «Тебе не нужно беспокоиться об этом.»

Я была сбита с толку. Что он имел в виду?

До восстания вдовствующей императрицы самоубийство Ксании было самой большой проблемой, с которой мы столкнулись. Фактически, напряженные отношения с Генуей были шансом, ради которого Катлеянира перешла в нападение.

«Что значит, мне не о чем беспокоиться? Самоубийство Ксании - огромная проблема.»

Лукреций покачал головой и сказал мне: «Она не убивала себя.»

«В смысле?»

Он лукаво улыбнулся мне. «Это вся бесплатная информация, которую вы можете получить. Если хотите узнать больше, вам придется заплатить за это.»

«Заплаатить?!»

«Дай-ка я подумаю… Одного сладкого поцелуя будет достаточно..»

«Да ладно?!»

http://tl.rulate.ru/book/25942/779328